

VII

Вместо нескольких часов мы пробыли в Маттре и ее окрестностях два с половиной дня. Такур прислал сказать, чтобы мы оставались на «празднества весны», «Гок'ла Аштами»¹. День рождения Кришны в августе, но имеет свой пролог весной вместе с торжеством *Гури*², раджпутской Цереры³.

Совпадения между Кришной и греческим Аполлоном, между эпитетами последнего у греков, римлян и других народов Европы и такими же прилагательными в Индии, придаваемыми любимому *аватару*, до того очевидны, что они не могут не заинтересовать любителей древних мифологий. Повторяю, невозможно, чтобы то было простою случайностью. Особенно замечательно тождество названий, относящихся к солнцу, олицетворением коего являются оба «бога». *Гари-Кришна* – *палаящее* (разрушительное) солнце. «*Ари-Кришна*» – солнце просто. Кришна, «владыка лучей» (Феб), и его небесная обитель называется *арипуром* и *гарипуром*⁴ (*гелиополис?*), или городом солнца⁵.

«Раджпутские *dii majores* – те же по числу и атрибутам, как и боги греков и римлян, божества президирующие, в переносном смысле, над планетною системой», – справедливо замечает Уорд⁶ (*History and Religion of the Hindus*, p. 9⁷). Поэтому и все религиозные обряды, танцы *нотчей* и мистерии, то есть представления сцен из их мифологии, всегда имеют в своем основании астрономическое значение. *Бхану Сантامي*, «седьмой день солнца», также называемый «рождением солнца» или Вишну (от солнца, входящего в созвездие *Макара*, *Pisces*⁸, первое солнечного *магха*, от ноября до 15 декабря⁹), празднуется с огромным торжеством в Удейпуре. Колесницу солнца везут восемь лошадей из храма Вишну и назад с таким церемониалом, какой бывает лишь во время вступления нового раны на престол. Летнее солнцестояние у них называется «ночью богов», потому что Вишну (как и солнце) покоится в продолжение четырех дождевых месяцев на своем ложе, на змее Ананде.

Описание *всех* праздников, даже только главных, у индусов потребовало бы напечатания целой библиотеки. *Сат б́ара*, *аур но-тахвара*, «семь дней (недели) девять праздников», раджпутская пословица, на которую не требуется комментариев. Я опишу только виденную нами мистерию в окрестностях Маттры.

Гони, пастушки, начинают, конечно, пасторальным праздником *Гури*, местной Цереры. *Гури*, одна из форм *Парвати*, или *Дурга-мата*, «мощная мать», богиня жатвы и изобилия у индусов. *Дурга-мата* – та же *mater montana*¹⁰, эпитет, принадлежащий, по Диодору, Цибеле¹¹, или Весте¹², в ее роли «богини хранительницы детей»; а *mater montana* называется в Раджистане *Амба-мата* (мать горы), и здесь она является патронессой и хранительницей мальчиков, будущих воинов.

---

¹ *Го-кула* – племя коровы (*го*). Кришна был воспитан пастухом Нанд[ой]; пролог этого праздника на месте рождения Кришны празднуется весной. *Аштами* – первая четверть луны. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

² Гаури (*англ.* Gauri).

³ Церера – древнеримская богиня урожая и плодородия.

⁴ *Pura* (*санскр.*) – город.

⁵ Раджпуты верят в два рода «рая», в две местности или два Елисейских поля: одна чисто духовная, другая материального свойства. В песнях барды учат воина, что тот, кто падет на поле битвы «от стали», «исполняя долг чести», пойдет в «духовный рай» и уж не возвратится на эту землю. Освобожденная искра (*иот*) воссоединится с родным очагом, солнцем, Сурьей. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁶ Уильям Уорд (1769–1823) – английский баптистский миссионер, писатель, переводчик.

⁷ «История и религия индусов», с. 9 (*англ.*).

Речь идет о книге У.Уорда «A View of the History, Literature, and Religion of the Hindoos» («Мнение об истории, литературе и религии индусов», в 2 т., 1815–1818).

⁸ созвездие Рыб (*англ.*).

⁹ Речь идет о маргаширше – девятом месяце индуистского календаря, начинающимся 22 ноября и оканчивающимся 21 декабря. *Магха* – является одиннадцатым месяцем года, начинающимся 21 января и оканчивающимся 19 февраля.

¹⁰ мать горы (*лат.*).

¹¹ Кибела, Цибела – фригийская и греко-римская богиня Великая Мать, правившая всей природой. В античную эпоху Кибела изображалась носившей зубчатую, в виде башни корону.

¹² Веста – богиня, покровительница семейного очага и жертвенного огня в Древнем Риме.

Алтарь *Гури-Парвати-маты*, «мощной матери горы», венчает почти все возвышенные местности в Меваре, сердце Раджистана, и ей посвящены все «храмы-крепости» страны. Ее деятельность разнообразнее, а обязанности труднее и многостороннее, чем у ее *рефлексий* в Риме, Греции и даже Египте, так как все заставляет предполагать, что она первообраз Изиды. Как Ефесская Диана «Гури-Дурга» увенчана полумесяцем и как Цибела она имеет на голове зубчатую башню¹³ и считается под названием *Дэви-Дурги* (сила, мощь) патронессой всех укрепленных мест. Она тоже *Мата Джавани* – «мать рождений», то есть исполняет обязанность Юоны¹⁴, *Juno Lucina*¹⁵; как *Падма*, «престол, которой водружен на лотосе», – она Изида Нила; как *Гури Три-пура* (буквально – трех городов, *Tripolis*¹⁶?) – «управляющая тремя городами», и как *Атма-дэви*, богиня душ, она, конечно, Геката¹⁷ – *Hecata Triformis*¹⁸ греков. Словом, *Гури* синтезирует в себе одной всех богинь Греции и Египта, от Дианы и Прозерпины¹⁹ до Изиды и Асторетты²⁰. Но главным образом она – «земля», индийская Церера, которая и является в мистерии сидящей на снопах на колеснице, влекомой коровой²¹, с *камакумной* в руках, вазой, похожей на рог изобилия, из которого падают плоды и зерна.

После этой процессии является *Камдэва* – бог любви, купидон Индии, у которого лук и стрелы заменяются здесь гирляндами цветов и заостренной бамбуковой тростью. Он попадает ею в одну из *гопи*, дочь Нанды, которая и сгорает любовью к Кришне. Раздается хор. То гимн Каме из *Бхавишья-пураны*: «Приветствие богу цветочного лука!.. Слава дэву, заставляющему мудреца позабыть всю свою твердость! Слава *Мадане*, слава Каме, богу богов; ему, который Брамму, Вишну и Шиву и самого Индру наполняет волнениями любви!»²²

Является Гоф-наф (Кришна, под видом «владыки пещеры» (*гофа*), которого не следует смешивать с *Гопи-нафом* – «владыкой пастухов»). Он покрыт звериной кожей, увенчан травой *кузи* и играет на бамбуковой свирели и пред ним начинают собираться *гопи*, привлекаемые звуками музыки. Но в этом действии (в первом) *гопи* не пастушки, да и сам *Гофинаф* превращается из «бога пещеры» в «бога горы», в *Гордан-Нафа*, или *Наф-джди* (владыку всех владык). Он увенчан блестящим венцом из лучей, как Феб, потому что здесь он является самим солнцем, как Вишну, Аполлон, Озирис. Скромная свирель тоже уступает место *чатаре*, *шестиструнной* лире²³, на которой голубой бог начинает играть не мелодию, а как мне показалось, *гаммы*, и очень монотонные. Но так как меня стали уверять, что это музыка древняя, как сама «музыка сфер», то я и успокоилась.

Пред *богом*-«оборотнем» начинают рисоваться *гопи*, тоже к этому времени превратившиеся в *звуки*.

Говорю в «звуки», потому что другого, подходящего слова нет. То девять *но-рагини*, а *рага* есть музыкальная *скала*, гамма, *рагини* же (множественное число женского рода) – супруги *рагов*.

---

¹³ Вся провинция Мевар и окрестности Удейпура усеяны такими зубчатыми башнями древности, и все они под покровительством Амбы и *Гури-Дурги*. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁴ Юона – древнеримская богиня брака и рождения, семьи и семейных постановлений, материнства, женщин и женской производительной силы.

¹⁵ Юона Луцина («Светлая») (*ит.*).

¹⁶ Полис (*греч. πόλις*) – город.

¹⁷ Геката – древнегреческая богиня лунного света, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства.

¹⁸ Геката Трехликая (*греч.*).

¹⁹ Прозерпина – в древнеримской мифологии богиня подземного царства.

²⁰ Астарта – греческий вариант имени богини любви и власти Иштар, заимствованной греками из шумеро-аккадского пантеона через культуру финикийцев. У западносемитских племен – Аштарот, Ашторет (иврит), у южносемитских – Аштерт.

²¹ Земля – *притви*, символизуется у индусов *коровой*. См. *Asiat[ic] Res[earches]*, Vol. III, p. 278. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

²² См. статью У.Джонса «The Lunar Year of the Hindus» («Лунный год индусов») в журнале «Asiatic researches, or, Transactions of the Society instituted in Bengal for inquiring into the history and antiquities, the arts, sciences and literature of Asia» (т. III, 1792, с. 278).

²³ Музыка, пожалуй, и лишенная мелодии для европейского уха, но имеющая *полную семиинотную* гамму; хотя монах Гвидо Аретинский считается изобретателем (в XIII веке) *седьмой* ноты, и действительно греки имели всего *шесть*, но эта семиинотная гамма есть в *Пуранах*. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Гвидо Аретинский (ок. 990 – ок. 1050) – итальянский теоретик музыки.

В этом не я виновата, а мудрецы, изобретшие санскритскую музыку, в которой, вдобавок ко всей ее ученой прелести, нисколько не отвергаемой, но положительно не вкушаемой мною, заключается целая мифология.

Вот доказательство:

Санскритские изобретатели музыки выдумали шесть *рага*, то есть скал, коих названия: Шрирага (*рага* значит господин), Вазанта, Панчама, Байрава, Мегха и Нат-Нараян.

У каждого из этих *рагов* по пяти жен, а у каждой из этих жен по восьми детей. *Каждый раг*, каждая *рагиня* и каждый *рагиненок* имеет имя, атрибуты, собственную биографию, генеалогическое древо, и если бы родился в России, то имел бы, вероятно, и свой формулярный список. Родившись в Индии, каждый из них зато получил титул бога, богини и божонка. Философия вышесказанного есть та, что певец и музыкант в Индии поет и играет, имея в своем распоряжении 276 разных *скал*, по семи нот в каждой; каждая нота выражает какой-либо звук в животном царстве, а звук этот должен изображать какое-либо чувство.

Звуки животных и выражаемые ими чувства выписываю для любопытных из оригинального сочинения Санскритского музыкального общества, потому что оно разъяснит лучше всего, *что такое* представляли Кришна Наф-джи и его *рагини*.

Ноты скалы	Имена санскритские	Типы звуков животного царства	выражающие оттенки
Са До	Шаджа	Павлин	Героизма, изумления и ужаса
Ри Ре	Ришабха	Бык	
Га Ми	Гандара	Козел	Жалости, сердоболия
Ма Фа	Мадьяма	Журавль	Насмешку и любви
Па Соль	Панчама	Дрозд	Беззаботности
Дха Лэ	Дхайвата	Лягушка	Отвращения и тревоги
Ни Си	Нишадха	Слон	Милосердия и сознания силы

Вот эти-то «звуки», выражающие оттенки чувств, и олицетворялись плясавшими пред Кришной *но-рагинями*²⁴. То были девять олицетворений «девяти страстей», *но-раза*, зарожденные мелодией бога музыки²⁵, его создания, воспрянувшие к бытию под волшебною силой *Ваха*²⁶, и исполнение было, как и сама идея, прелестно. Взявшись за руки, *но-рагини* сперва пляшут пред своим творцом, а затем следует еще превращение. Пред зрителями является пылающий бог солнца, без *incognito*²⁷ на этот раз, и *но-рагини* обращаются в знаки зодиака; начинается астрономическая мистерия, где богини-созвездия составляют вокруг бога солнца круг и выплясывают знаменитый *рас-мандал*, танец звезд. *Но-рагини* и *но-раза* опять исчезли, остались одни олицетворенные знаки зодиака. А *рас-мандал* все продолжается. Медленные движения, полная грации мимика оживляются и делаются все быстрее и быстрее²⁸... Мистическая пляска на берегах Джумны напоминает танец альмей²⁹ в Египте и переносит нас на песчаные берега Нила...

В третьем действии снова все изменяется. Кришна опять является пастушком с посохом и своею свирелью, и вокруг него играют и поют вновь воплотившиеся из богинь пастушки, *гопи*. *Но-рагини* еще раз превратились в *но-рази*, то есть «девяти страстей», и стараются свести

²⁴ Но – «девять». – Примечание Е.П.Блаватской.

²⁵ «Девять страстей» или девять муз Аполлона. – Примечание Е.П.Блаватской.

²⁶ Бога звука, на этот раз мистического, оккультного. – Примечание Е.П.Блаватской.

²⁷ чужого имени (англ.).

²⁸ Цимбалы, *табор* и *мурали* (род флейты) чуть не свели меня с ума; но зато я узнала в тот вечер многое. *Чхоби* Маттры имеют огромную и, говорят, заслуженную репутацию в Индии как певцы и мимики; и басы браминов с контральто и тенорами «небесных певцов» пагоды являлись полными гармонии. Но это музыка вокальная, а инструментальная под конец невыносима для европейского слушателя. – Примечание Е.П.Блаватской.

²⁹ Альмея – танцовщица, певица и женщина-музыкант высокого ранга, которая была должна в гаремах развлекать женщин богатых и знатных господ в арабском Египте.

пастушка, *брамачарию*, с пути истины. Но им это не удается. Кришна торжествует в своей добродетели, а пастушки – *en sont pour leurs frais*³⁰.

Кришна, не обращая внимания на заигрыванье пастушек, продолжает играть на своей свирели, заменившей ему теперь шестиструнную *чатару*. Но зато коровы его священного стада, устыдясь, должно полагать, за пастушек, разбегаются... Солнце зашло и на сцене совсем темно. Тут являются свирепые катчи³¹ (другое племя раджпутов) и угоняют коров к себе; а в погоню за ними бросаются гоклы (гокуладесы), или *куклопесы*³², и стараются отбить скот у хищников. Когда они появляются, то перед зрителем восстают свирепые циклопы-пастухи Гомера, не знавшие ни закона, ни удержу, мохнатые гиганты... Они вылезают из пещер, спускаются с деревьев и на груди у каждого *сверкает, как огненный глаз, огромный жук-светляк, приколотый к звериной шкуре*...

Такие светящиеся жуки, единственное освещение в пещере пастуха или в круглой башне бедняка гоклы, и до сего дня в употреблении у племени Нанды, воспитателя Кришны. Часто ночью отправляясь отыскивать пропавшую корову или быка, гокла прикрепляет несколько таких жуков к тюрбану, чтобы светлее было. Не в этом ли племени *гокладесов* следует искать начала и объяснения *куклопесам*³³ греков? Светляки превосходно объясняют «фонарь на лбу» у циклопов-*рудокотов*, а также и то, что Гомер знал их за племя пастухов, *гокула*, главным и единственным представителем коих был «одноглазый» Полифем.

Мистерия кончилась поздно. Брамины-*чоби* (так названные от *чоби*, палицы, которою они вооружаются на это представление), давно уже осадив тирана Канзу во дворце, разнесли в мелкие щепки его крепость³⁴ и самого его загнали в кусты, когда мы оставили пагоду. После спектакля «*бог-Кришна*» присоединился к нам и оказался очень молодым, рослым раджпутом, который, к удивлению нашему, даже говорил по-английски. Я обязана ему главными из полученных нами в Маттре сведений. Он нам объяснил смысл многого, чего мы тогда не понимали из представления, в котором ему выпала главная роль.

Он вполне верил в Кришну-героя и отвергал Кришну-бога не менее нас самих. От него мы узнали, что служение седьмому по числу из семи главных видов *Кришны*, под которыми он обоготворяется в Раджистане, то есть *Мудхун-Мохуны*, «божеству, опьяняющему любовью», находится исключительно в руках *брамини*, женщины. «Мудхун-Мохуна» есть пастушок, чарующий пастушок, *гопи*. В настоящее время великая жрица голубого бога очень стара и очень строга к храмовым *нотчам*, обязанность коих состоит в разыгрывании ролей *гопи* и в уходе за лазоревым божеством. Эта строгость отзывается на самом ее храме, который-де страдает *недостатком* в «небесных музыкантах»³⁵. Маленьких певцов *неба* им приходится занимать из других пагод вне Раджистана.

Статуй или идолов Кришны, как сказано, *семь* главных в стране, и они были описаны только Тодом, единственным, кажется, из всех англичан, которому позволили, как и нам, пятьдесят лет позднее приблизиться к святыне.

Эти семь «чудотворных» статуй были принесены столетия тому назад таинственным лицом, Бальбой, который потом и сделался верховным жрецом Раджистана. Умирая, он их разделил между своими семью «внуками» от *духовного* сына (усыновленного), и теперь они составляют источник величайших доходов для их потомков, священнодействующих браминов семи главных пагод в стране.

Представлявший Кришну, собственное имя которого я забыла, доставил нам вход к Ноните³⁶, «младенцу Кришне». *Нонита* сидит на лотосе, похожем, впрочем, на кочан капусты,

³⁰ остаются при своем (*фр.*).

³¹ Англ. Kutchi.

³² Cyclopes (*греч.* Κυκλόπιος) – циклопы.

³³ См.: «Одиссея», песнь 9.

³⁴ *Канза* – дядя Кришны и узурпатор его престола. Каждый год брамины-*чоби* осаждают его дворец и *якобы* убивают его в лесу, куда он спасается. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁵ Небесные музыканты или певцы, как известно, при пагодах всегда сыновья *нотчей*, танцовщиц. Это им не ставится нигде, кроме Раджистана, в укор. Но в этой стране рыцарства *нотчи* – настоящие весталки. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁶ Пишется *нава* (новое), *нита* (масло). В младенчестве Нонита был очень лаком до свежего масла и часто крал его у соседок, отсюда и название. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

задумчиво держа в руке пирожок (*пару*): такие пирожки делаются из теста, замешанного на воде из реки Джумны, отнюдь не другой. Со времен афганцев, которые со свойственным им иконоборством бросили Нониту в Джумну, он покоился до 1803 года на дне реки. Когда его случайно выудили оттуда, он пирожка своего все еще не съел и все еще также внимательно всматривается в него, как бы не доверяя ему. В этой воздержности я ему вполне сочувствую. Принесенный мне в виде необычайной милости «священный» пирожок до сей поры мне памятен. Съев его, я тотчас почувствовала припадок морской болезни и оставалась под влиянием мрачной меланхолии целый день.

Есть еще один идол Кришны, Гокуль-джи, найденный где-то чудесным образом, который тоже в руках *брамини*, иначе брамина женского пола. Но мы не видали ни его, ни ее, хотя нам очень хотелось побывать на острове Джумны, где оба находятся. Там тоже монашествует целая толпа *иогинь*, или иогов женского пола, под начальством старой *брамини*. Мы предпочли посетить проездом еще два-три храма и увидеть, а главное, *услыхать* знаменитых *бхартов*.

Осматривая храмы и их разнородные божества, я совершенно забыла о *салиграме*, путешествовавшем то на сердце, то на спине нашего председателя, полковника О***, и не оставлявшем его ни на минуту. Мои мысли были так заняты мифологическими сравнениями, что если бы кто заговорил о нем, я, вероятно, не обратила бы и внимания. Но талисман напомнил нам о себе и при таких обстоятельствах, что трудно было забыть.

Выходя под вечер последнего дня из полуразрушенного дворца, куда нас поместил Ананда по нашем приезде, чтобы посетить храм Гопала-Кришны, мы решили отправиться туда пешком. Пагода была так близко от нашего дома, что следовавшая за нами по пятам дребезжащая карета казалась нам излишнею. Мы ее отослали, так как для того, чтобы перейти площадь, не стоило и садиться в экипаж. Я пошла вперед с Нараяном, бабу и Анандой-Суами, а за нами шел полковник в сопровождении целой свиты браминов, пандитов и шастри. Мульджи служил им переводчиком.

В пять минут, несмотря на постоянные остановки и препятствия в виде шмыгавших между ногами обезьян да целых процессий ослов и транспортов, мы были уже у преддверия пагоды, и я села на ступеньки широкой лестницы, поджидая главу нашей компании. Ананда-Суами стоял шагах в двух от меня и тихо разговаривал с Нараяном, с которым он, видимо, подружился; а бабу я отправила купить лакомств для «священных» четвероногих и особенно для четвероруких.

Храм Гопала-Кришны построен во глубине глухого переулочка, из коего нельзя было видеть ничего, кроме одного угла площади, которую мы только что прошли. Ожидая каждую минуту полковника и бабу с орехами, я спокойно сидела, довольно удачно сдерживая до той поры нахальное и неприятное заигрыванье обезьян, которые чуть не лезли к нам в карманы. Эти животные до того привыкли жить между людьми, что даже и наши столь отличные от туземцев платьем и наружностью фигуры не возбуждали в них ничего, кроме ожидания обычной подачи. Их собралась около меня целая колония, и было бы трудно не заинтересоваться глядя на их хитрые, светящиеся глазки, на взгляды их, упорно не покидающие моих рук и следящие за малейшим движением. Одна из них, престарелая на вид макашка, потерявшая уже несколько зубов, незаметно для меня стащила снятую перчатку и, прежде чем я даже догадалась о пропаже, принялась с наслаждением жевать ее в углу.

Но вот показался бабу с орехами и изюмом и стал бросать их пригоршнями в обезьян: тут у нас с ними началась потеха. Обезьяны стрекотали и дрались, мы глядели на них и смеялись, как вдруг совершенно для нас неожиданно со стороны площади поднялся такой ужасный необъяснимый вой, что мне показалось, будто там сорвался с цепи целый десяток тигров... Возгласы толпы, мычание быков, рев слонов – все это сливалось в один глухой, протяжный гул. Он приближался к нам, с каждой секундой становясь яснее и громче, и я было уже собиралась последовать примеру макашек, которые со страху мигом улетучились, когда Ананда-Суами разом отвлек мое внимание от неизвестной мне опасности и приковал его к себе... Глядя на него широко раскрытыми глазами, я, должно быть, представляла картину такого испуганного удивления, что бабу, сам не понимая еще причины оною, бросился вперед загораживать меня своею тонкою фигуркой, а Нараян, схватив какое-то полено, стал возле меня в позе гладиатора. Так мы стояли все трое в течение нескольких секунд, не произнося ни слова, окаменелые от изумления.

Что же случилось? Для всякого, не наблюдавшего за аскетом, как то делала я с утра до поздней ночи в течение трех суток, ничего такого, что бы показалось уж из рук вон странным. Услышав рев, Ананда-Суами, обыкновенно так медленно и плавно двигавшийся, словно на заведенных пружинах, вдруг преобразился. Во мгновение ока одним, сделавшим бы честь любому акробату прыжком он очутился на конце переулка. Затем рядом быстрых гимнастических приемов он вскарабкался под балкон углового дома и повис на нем правой рукой, а левой, как мне показалось, указывал на что-то вдаль.

– Что это он такое делает? – почти закричала я, придя в себя.

– Дэнду пробует, мэм-сааб, – оскалился тоже успокоенный бабу.

Тогда только я разглядела, что Суами действительно направлял к площади руку с волшебным в ней жезлом.

Как бы в подтверждение догадки бабу, хотя шум голосов все приближался, ужасный рев мгновенно умолк. Раздалось еще несколько слабых мычаний, а затем целая толпа браминов наводнила переулок и среди них полковник... но в каком виде, силы небесные!

Он потерял шляпу и, по-видимому, очки. Белоснежное пальто и панталоны превратились от покрывавшего их навоза и пыли в нечто невообразимое, в тряпки, покрытые пятнами и прилипшими к ним кусками столь излюбленного лондонскими эстетами цвета гнилой зелени с коричневыми тенями нюхательного табака. Лицо его было краснее спелой вишни, волосы растрепались, а в бороде торчали куски соломы и сена... Он казался очень сконфуженным.

– Я советовал полковнику не подходить к священным коровам, но он не послушался, – кричал, объясняя, Мульджи.

– Черт их побери, ваших священным коров! – огрызнулся наш президент. – Я хотел их покормить хлебом и пряниками, а они стали ко мне лезть... голов десять. Я от них, а они ко мне... Мотнет головой, подбросит хвостом вверх, да и норовит мордой в карман... Мотнет, да и лезет с ужаснейшим мычанием... Оглушили меня... Ну, я и упал... Поскользнулся и... упал!..

– Еще бы, когда у вас *салиграм* под рубашкой; ведь говорил же вам Ананда-джи³⁷, предупреждал: берегитесь, не подходите к коровам!..

– Не *салиграм*, а хлеб; не бежали же они за мною прежде... Ну, а как предложил хлеба...

– Вы никогда прежде не походили к ним так близко, – настаивал Мульджи. – Это *салиграм* их привлек...

– Нет, хлеб! Как только взял кусок в руку и дал первой... так все и стали норовить мордами в карман...

– К *салиграму*, а не в карман, – поправил «генерал».

– Навалились на меня, приперли в угол, – продолжал объяснять, как бы извиняясь предо мною бедный полковник, – ну я и упал... Брамины машут руками, просят коров по-санскритски оставить меня, и хоть бы один из них хватил их палкой!.. Ну, а коровы еще хуже!..

На лице Мульджи при этих словах изобразился священный ужас.

– Ударить корову Гопал-Кришны!..

– Не ушибли ли они вас? – осведомилась я, слишком еще пораженная неожиданностью и испуганная, чтобы вкушать всю комичность его положения.

– Нет... кажется, ничего, – отвечал он, ощупываясь. – Только вот перепачкался... Проклятые коровы! Жаль, что со мною не было трости!..

– Прошу вас, не говорите так, полковник, – испуганно озираясь на браминов, прошептал встревоженный за нас Нараян, – хорошо, что они не понимают вас... Они способны убить всех нас из-за священной коровы...

– А ведь вам пришлось бы еще хуже, сааб, – молвил бабу, – если бы не Ананда-Суами... Это он вас выручил... *дэндой*...

– Да я его и не видал там... Он ведь ушел с вами вперед?

– Поражал «священное» стадо с выси! – продолжал смеяться бабу. – Стоял, как Индра со стрелами... вон там у балкона...

---

³⁷ *Джи* – учтливое прилагательное, вроде «почтенного», только ставится после имени. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– Просто смотрел! – перебила я. – Все кончилось *до* его *дэнды*...

– Вы знаете, *уназика*, что это не так, – с упреком заступился Нараян и отошел прочь к стоявшему в стороне «брату Роши».

Ананда прыгнул вниз из-под балкона в ту самую минуту, когда первые брамины показались у входа в переулок, и мы потом узнали, что, пропустив людей, он видимо воспрепятствовал нескольким коровам ворваться за ними в узкий проход. Стадо гналось за несчастным президентом рысью, пока он не исчез от них в переулке.

– Чтò ж именно он делал и как он им «воспрепятствовал»? – расспрашивала я «Кришну», который присоединился к нам несколько минут позднее.

– Стоял у входа и *махал в них дэндой*.

– Как в них?.. То есть *на* них, на коров?.. Ну, конечно, тем и испугал их.

– Нет, именно *в них*. Простого маханья палкой *мои* коровы не испугались бы.

Он говорил «мои» коровы, как будто серьезно воображал себя богом Кришной.

Мы отправились домой так и не видав храма Гопала; солнце зашло, и под покровом тотчас же окруживших нас, как темным флером, сумерек, скрывших очень кстати плачевный вид нашего президента, мы вернулись домой и стали приготавливаться к отъезду. К несчастью полковника, вся наша поклажа была отправлена из Бертпура прямо вглубь Раджистана, и президент не мог даже переменить платья. Но наш хладнокровный глава и тут не растерялся. Он купил белую одежду туземца и предстал пред нами в костюме, представлявшем странную смесь раджпутских одеяний с европейскими.

Но он, видимо, сознал в душе, что получил урок. *Салиграм* исчез с его особы, и ничто не напоминало нам более о его «магическом» присутствии. Впрочем, обладание оным оказало нам и пользу. Брамины, приняв этот факт к сведению, хотя и чувствовали к нашему президенту большую зависть и диву давались, что священный их предмет не утрачивает своих свойств даже на особе нечистого *млетчи*, но все-таки почувствовали к нам еще сильнейшее уважение и как бы даже суеверный страх.

Мы выехали из Маттры ночью по реке в большой примитивной лодке, напоминающей венецианскую гондолу, в которой у нас стоял стол и скамейки кругом и даже было место для кухни. Последнее, впрочем, оказалось для нас бесполезным, так как мы оставили нашу гондолу в два часа ночи и нас увезли в лес к какому-то «вассалу», по выражению Ананды, ночевать. К моему восхищению я нашла в отведенной мне комнате железную кровать с постелью, которая словно была перенесена из первоклассного отеля, даже до *мустикьеры*³⁸ от комаров из девственно чистого тюля. Видно, заправские колдуны Такур с Анандой: *un lit à sommier*³⁹ в раджпутских лесах!

На другой день мы поехали к деревушке *бардов*. *Бхаты*, или *бхарты*, и *чаруни*, или *чараны*⁴⁰, то есть барды и летописцы⁴¹, издревле занимаются переноской вещей. Такая «переноска» началась одолжением и постепенно перешла в ремесло. В этой стране, заселенной вечно враждующими племенами, разбойничьими шайками бхиллей и меров, во дни былые невозможно было пересылать ни денег, ни вещей большою дорогой. Барды были единственным классом, который уважали и проклятий коего страшились разбойники. Взввшись доставить сумму денег или ценную вещь, *бхарт* ручался своею жизнью за доставку; если разбойники, невзирая на его сан, отнимали у него доверенное, он в ту же минуту вонзал себе нож в сердце и, обрызгав кровью грабителей, умирал с проклятием на их головы. *Это проклятие всегда исполнялось*, говорят раджпуты. Прошли века, и теперь *бхарта*, везущего миллионы, не тронут разбойники, будь их сотня против одного. *Бхарты* служат посыльными по всему Раджистану, и их сан делает их священными в глазах самого свирепого разбойника. «Даже полудикий коли⁴² и сахрай⁴³

³⁸ Мустикера (*фр.* moustiquaire) – сетка от комаров.

³⁹ кровать с пружинным матрасом (*фр.*).

⁴⁰ Англ. Charan.

⁴¹ *Бхарт* – бард и генеалог, а *чарун* – летописец, но оба класса – поэты и песнопевцы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁴² Англ. koli.

⁴³ Англ. sahgae – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

страшались проклятий *этого странного существа*, которое ведет караваны с полной безопасностью чрез самые безлюдные пустыни и непроходимые леса этой местности. Путник, желающий достигнуть беспрепятственно портов Джалора или Радхунпура⁴⁴, ведущего в Сурат или Мускат-Мандави⁴⁵, присоединяется к каравану, во главе которого едет *бхарт*: он вполне в безопасности...»

Так пишет резидент Мевара (*Personal Narrative*)⁴⁶.

Чараны и *бхарты* – раджпуты; те и другие заменяют в населении Раджистана браминов, так как при ремесле летописца и генеалога они имеют право священнодействия. После коровы и быка *бхарт* самое священное у раджпутов существо, и все семейство *бхарта* также священно и неприкосновенно, как и он сам. Часто встречаясь с разбойниками, *бхарт* начинал с того, что выходил пред ними с ножом в руках и произносил известное предостережение. Если по первому слову воры не унимались, то он наносил себе легкую рану и окроплял грабителей своею кровью. Если и это не производило на них действия и его караван все-таки грабили, то он убивал себя, и оставшиеся после него жена, дети и родственники были обязаны убивать себя с такими же проклятиями. Презрение к жизни – первый урок, получаемый *бхартами* и *чаранами* в детстве.

На другое утро, восстав от спокойного сна в лесу, Ананда нас повез именно к одному такому *чарану*, в семействе коего мы и провели время до самого вечера. В белом, длинном и широком одеянии старик походил на Оссиана⁴⁷, сошедшего с холста картины. Сидя с *чатарой* в руках на полу, он пел нам легенды о древней удали сынов его страны, о падении Читура, о героях-чоханах (племя Такура) и о *блаженстве смерти за долг чести*, за данное слово, за родину... Его два сына, рослые, красивые раджпуты, пели в свою очередь, и их легенды были все основаны на подвигах Кришны, Бальрамы, Арджуны и племен *гарикула*⁴⁸. А их жены и старуха-мать прислуживали нам, кормили нас и не знали, что и делать для «саабов», отправляющихся к «великому Такуру».

Костюм женщин у *бхартов* чрезвычайно живописен: темные шерстяные юпки и сверху белые как снег *сары*, а в черных как смоль волосах цветы, кораллы и золотые украшения. Здесь женщины скорее напоминают красивых неаполитанок прежнего времени, чем индусок. В этом благословенном уголку Индии нет ни каст, ни фанатизма бомбейских браминов. *Бхарты* и *чараны* составляют, так сказать, *imperium in imperio*⁴⁹. Они не зависят ни от кого, и правительство умно воздерживается от вмешательства в их дела: весь Раджистан поднялся бы как один человек в защиту своих священных *бхартов*. Они – последнее звено, соединяющее их горькое настоящее с величием их незабвенного и забываемого прошлого.

Эти неизвестные в Европе, да и мало кому известные в Индии певцы хранят, быть может (для нас это несомненно), первые страницы *истории всего человечества*, а не одной только Ариаварты. Героические песни Индии – это все, что у них осталось от прошлого. Но эти песни дают право *бхартам* требовать, чтобы на них взирали как на первобытных историков всего человечества. Они жили задолго до тех времен, когда греческие басни впервые обратили на себя внимание поэтов и даже Геродота, отца истории, тысячелетия тому назад; *бхарты* воспевали *настоящие* события и *живых* людей, а не мифы. Каллиопу⁵⁰ боготворили в Индии со времен Виазу⁵¹, современника Иова, во мнении первых ориенталистов, таких как сэр Уильям Джонс, Уильсон и другие. А эти санскритологи, если и грешили иногда неправильностью выводов, зато никогда не жертвовали истиной и фактами ради доходного места. Уцелели еще тысячами свитки одних исторических генеалогий и летописей в стихах; и их поэтические преувеличения не помешали б историку извлечь из них события и факты, изложение коих на одном из европейских языков перевернуло бы, весьма вероятно, заключения не только Маколеев и Гротов⁵², но даже и

Ср. с шахрай (укр.) – мошенник, жулик, плут.

⁴⁴ Радханпура (англ. Radhanpur). Radhupuroo – так в книге Дж. Тоде «Летописи и древности Раджастхана».

⁴⁵ Англ. Muskat-Mandavi – так в книге Дж. Тоде «Летописи и древности Раджастхана».

⁴⁶ Речь идет о Дж. Тоде.

⁴⁷ Оссиан – легендарный кельтский бард III века.

⁴⁸ харикула (англ. harikula).

⁴⁹ государство в государстве (лат.).

⁵⁰ Каллиопа – в древнегреческой мифологии муза эпической поэзии, науки и философии.

⁵¹ Вьясы.

⁵² Джордж Грот (1794–1871) – английский историк античности и политический деятель.

наших *русских историков*. «Чанд бходжунга»⁵³ и служение музам, как мы видим из сотни перечитанных нами генеалогий давно вымерших племен сурьяванзов, не мешали бардам держаться истины не в пример другим поэтам; а пустая похвала вождям «доисторических» времен не препятствует никому обратить внимание в этих летописях на события очевидно исторические. Одно то, что раджпутские барды высказывали так часто современным им властителям самую горькую истину, служит порукой, что они не жертвовали ею ради земных благ. Обиженные или оскорбленные в душе поступками своих владык, они громили их, невзирая ни на какие последствия. Под немилосердным бичом сатиры барда много тиранов трепетало на своем веку и много благ перепало народу, который видел в барде своего главного защитника. До сих пор *вис*⁵⁴ (яд слова) барда опаснее вражьего меча, ужаснее самих англичан в глазах раджпутского принца.

Нам говорили «посвященные» барды (между ними есть и такие), что огромная коллекция их летописей, начальные свитки коих написаны с устных преданий, пополняет в себе все пробелы и даже исправляет все ошибки всемирной истории; что в них найдутся все доказательства тому, что племена одного Раджистана заселили в доисторические периоды берега северных морей Балтики, Черного, Каспийского и других; что все германские и *особенно славянские* народности в Европе суть потомки ушедших из Раджистана племен (в древности – *Раэттана*). И действительно, если финны и мадьяры Венгрии должны искать начало своего рода и племени в Средней Азии и Тибете, шведы – в Кашгаре, а немцы (только Макса Мюллера, впрочем) на Оксусе, так почему бы и нам не поискать родоначальников варяго-русов в лесах и «великой пустыне» Джесельмера? Кто знает, быть может, славянские праотцы «братушек» – древнейших⁵⁵ болгар и сербов, чехов и нас, русских, – и в самом деле спят под семью этажами доисторических городов Саураштры, Амбера и Удейпура? Аларих⁵⁶ и Чингиз-хан⁵⁷ отнюдь не сами изобрели странный способ своего похоронного церемониала. Когда величественный курган над телами этих двух героев был возведен, говорит Гиббон⁵⁸, огромное вокруг него пространство было засажено лесом, «дабы помешать навеки ноге человека ступить по священному праху».

Так хоронили в древние времена и героев Раджистана, и этот способ описан в песнях барда Чанда. Там, где теперь «долина смерти», пустыня Индии, ведущая к долине Инда, были прежде непроходимые леса. Тысячелетия превратили их в прах, а местность, где находятся еще такие курганы, – в пустыню. В степях России таких «курганов» много; и то, что у нас зовется «бабой», называется в Индии тоже «баба», только слово это означает «отец», и я видела несколько таких каменных баб в Меваре.

Целое кладбище круглых курганов с «бабами» наверху находится недалеко от дома барда. Это местность, где пали тысячами *госейны*, «монахи-воины», которые здесь зовутся «канфура-иоги». Нас водили в лес, где они успокоились навеки во прахе, где барды покрывают эти курганы ежедневно ветками посвященных им, как и *кельтским жрецам*, рябины и ясеневого дерева и поливают их священной водой. У этих язычников уважение к покойникам вообще и к их убитым в сражениях воинам – черта, которую могли бы перенять у них и некоторые христиане. Я знаю могилы офицеров и даже одного генерала на Кавказе и в Севастополе, убитых или умерших от ран, заброшенные, забытые, даже без креста...

---

⁵³ *Змийный станс*, стих. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Англ. bhojunga.

Е.П.Блаватская использует статью Дж. Тода «On the Bards of Rajpootana» («О бардах Раджпутаны») в «The Asiatic Journal and Monthly Register for British and Foreign India, China, and Australia» (1840, т. XXXIII, сентябрь-декабрь).

⁵⁴ *Англ. vis.*

⁵⁵ То есть придунайских славян, а не пришедшей с Алтая чуди. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁵⁶ Аларих I (?–410) – вождь и первый король вестготов в 382–410 гг.

⁵⁷ Чингисхан (1155(1162)–1227) – основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу, основатель самой крупной в истории человечества континентальной империи.

⁵⁸ Эдвард Гиббон (1737–1794) – английский историк.

Еще в начале этого столетия канфурские *иоги* были знамениты, как и в прошлые столетия, в военных летописях Раджистана. Они жили (и теперь живут, хотя не в таком количестве со времени прихода англичан) в «братствах» тысячами. То простые, необразованные *хатти-иоги*, но храбрейшие воины; и туземные властители часто вступали с ними в союзы, особенно в оборонительные. Их свирепая удаля вошла в поговорку. То были самые неустрашимые и храбрые воины во всей стране, жрецы Бала (Баларамы), бога мощи. Теперь раджи перестали драться между собою, и канфурские иоги, не находя более исхода своей воинственной деятельности, предались всецело самозаушению: за неимением врагов они побивают самих себе. Несколько их восседали под деревьями на тигровых и львиных кожах, покрытые с ног до головы белою золой, с перепутанными, нечесаными волосами, завязанными тюрбаном на макушке. Возле каждого из них горел жертвенник с пылающим угольями, которыми они по временам окружали себе ноги, раскладывая их у себя на коленях, как будто вместо огня то были угли из фольги... Одно подымавшееся вместе с паром и шипением углей зловоние горелого человеческого мяса убедило меня наконец, что то были действительно горящие уголья...

– Фу, мерзость какая! – сказала я, обращаясь по-французски к полковнику и Ананде. – Вот, поучитесь, г. президент, *хатти-иогству* у этих... Чего же лучше?

Но зрелище оказалось слишком противным даже для любознательного полковника. Он не выдержал и отвернулся, заметив, что предпочитает могилы убитых пыткам живых иогов.

Далее другое кладбище простых воинов и опять памятники, «бабы», сооруженные над могилами тоже павших в битвах раджпуттов. Пепел сожженных тел привозился на родину и над «вождями» ставилась не «баба», а более законченный монумент. На некоторых памятниках был вылеплен рельефом сам всадник в полном вооружении, со щитом, мечом и пикой, а подле него его жена – верный признак, что она сожгла себя на могиле супруга, то есть совершила *сати*. Мысль о том, что происходило на этом месте, во время воображаемой мною сцены сожжения живою вдовы, испортила для меня все удовольствие прогулки.

В Раджистане всякое освященное преданием *маха-сати*, то есть великого самопожертвования (самосожжения), место тотчас же делается ареной духовских подвигов, «нечистым местом». Это, впрочем, не у одних раджпуттов. «Духи» самоубийц, должно полагать, каются в своем поступке и на Западе и приходят доживать свой насильно прерванный век в менее удобных, но зато и более склонных к пороку телах. И у нас в России самоубийцам не ложится спокойно на избранном ими ложе, если верить народной молве. Как бы то ни было, но в Индии их «духи» достигают апогея надоедливости. Спириты могли бы здесь ликовать зело⁵⁹, но не спириты очень на них жалуются. Меж страшных алтарей самоубийства, среди костров, – где так часто, так безжалостно сожигались юность, красота, земное счастье, где мать, рыдая, в то же время благословляла дочь на *подвиг святости*, а отец, обязанный присутствовать при *маха-сати* от начала до конца, пел хвалебные гимны часто единственной дочери, юное, трепещущее тело коей трещало и корчило в пожирающем пламени, – тотчас же заводились «демоны», зарождаясь с *ночи девятого дня*. Там, на даровых квартирах, немедленно появлялась *Джигер-Кхор* – страшная *гарпия* древности и *Дхакуна* – ее поводырь⁶⁰. Оба эти демона, как это хорошо всем известно, рыскают по ночам, нападая на живых, у которых Джигер-Кхор пожирает сердца, вырывая их из животрепещущего тела. Некоторые мавзолеи, как гробницы в Помпеях, сделаны с комнатой внутри, где совершаются ежегодно обряды поминок по покойнику или покойникам. Для раджпута это самый страшный, тяжелый день в году, но которого, по общепринятому обычаю, ему невозможно избежать. Он обязан отправляться в эту похоронную комнату один и там совершать обряд над прахом, окропляя комнату водой, делая приношения цветами и рисом, а затем лежать ничком на полу часа два, бормоча *мантры*.

– Мой родной брат, – говорил старый бард, – один из храбрейших воинов Мевара, вернувшись домой после *питри-ишварес* (поминок), узнал, что за эти два часа он поседел, как восьмидесятилетний старик... А ему не было и тридцати.

– Что ж, он разве видел что-нибудь?

---

⁵⁹ очень (устар.).

⁶⁰ *Дхакуна* – злой дух и служит путеводителем Джигер-Кхоре, слепой гарпии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– Нет, но... чувствовал; все время *чувствовал* на себе ледяные руки Джигер-Кхоры, которая доискивалась его сердца... Он спасся *мантрами*. Так, так, день *питри-ишвара*⁶¹ великий... но ужасный день! На кладбище, откуда мы пришли, *они* возятся каждую ночь...

– Кто они?

– *Бхуты* (духи). Выйдя из задней двери на внутреннюю веранду, можно видеть даже отсюда по вечерам, как *они* мелькают разноцветными огоньками над могилами...

– Синеватыми, – поправил Ананда, – это вы видите просто *шахаба*, блуждающие огоньки, которые вы найдете на всех кладбищах и особенно на полях сражений, – внушительно добавил он.

– Так, так... на полях сражений... конечно. А где же легло костями более храбрых воинов, как не здесь? Но эти огоньки – их души!

– Не души, а фосфорическое сияние от тления стольких животных тел.

– Это нам говорил и наш *махрадж*, Такур-саиб... Но ни он, ни вы не верите в Дхакун и Джигер-Кхор, потому что они не посмеют *вас* тронуть, а нас они не боятся⁶².

Такое противоречие и скептицизм со стороны Ананды как будто не нравилось ему. Старик нахмурился и вдруг, ударив по струнам чатары, затянуть песнь *Джогура*⁶³. *Джогур* – это тот ужасный обряд, когда обессиленные воины, убежденные, что им не одолеть врага, собирают своих жен, матерей, сестер и невест и убивают их собственноручно, сожигая затем их тела на костре. 1275 год навеки памятен в Раджистане, и барды поют до сей поры «о падении города Читтура» и о смерти «Рани *Падмани*⁶⁴», невинной причины битвы и падения города, который со времен исторического периода три раза подвергался страшной «сакка»⁶⁵, то есть штурму и истреблению целого племени. Читур погиб окончательно в 1676 году, но его защищали уже не законные владетели, а его победители и разрушители. Легенда относится к событиям 1275 года и полна интереса и прелести. Вот эпизод в нескольких словах.

Бхимзи⁶⁶, дядя малолетнего раджи и его опекун, влюбляется и женится на дочери царя Цейлонского, чохана Гамир[а] Санка⁶⁷, красавице *Падмани* – эпитет, даваемый только «прекраснейшим из прекрасных». Ее красота, таланты, благородство души и самоотвержение, доведшее ее до костра, а Читур до окончательного падения, составляют любимый сюжет народных преданий Раджвара (Раджистан).

Теперь передам, как могу, чудную балладу бардов, пропетую нам нашим старым хозяином. Я даю буквальный перевод, но, конечно, с большими сокращениями главных событий исторического и навеки памятного в стране сражения.

Не грозного Читур-града жаждет сердце Алла-о-дина⁶⁸,

---

⁶¹ *Питри* – предки, умершие родные в восходящей линии. *Питар* – отец, *эз* или *эшвар* – господин. *Питри-ишварез* выходит – «умершие господа предки». – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁶² Ничто не в состоянии рассеять суеверия раджпутов, даже такие у них авторитетные лица, как Такур. Полковник Тод рассказывает в *Мемуарах* о своем товарище, капитане Вауге, который, наслышавшись об «огоньках», «чертях» и «ведьмах» и подозревая, что на тот раз *Дакхуной* была замеченная им на заре гиена, поехал верхом к кладбищу поджидать зверя. Он подстерег и убил «коня Дакхуны», на котором ведьма (гарпия) *Джигер-Кхор* рыскает по ночам. Услышав, что гиена убита, раджпуты ужаснулись, предрекая капитану несчастье за смерть «коня» ведьмы. На другой же день Вауг упал с лошади и сломал себе ногу, чем и оправдал их суеверное пророчество. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁶³ джаухара (англ. Jauhar).

⁶⁴ Падмини (англ. Padmini).

⁶⁵ *Сакка* раджпутов то же, что (вероятно, перешедшие от них к англо-саксонцам и галлам) современные слова *sack* и *sac*, «le sac d'une ville» – ограбление города по взятии. Вот, что пишет об этом термине автор *History of the Rajpoot tribes (История раджпутских племен)*: «Осажденные раджпуты, потеряв всякую надежду на победу, убивают в последнюю минуту всех своих женщин, и воины, облаченные в длинные шафранного цвета рубашки, бросаются в последнем усилии отчаяния вперед на врага и, конечно, на верную смерть. Это у них называется делать *сакка*, где всякая *сакха* (ветвь) отрезается от дерева неприятелем. Читтур потерпел три раза полную *сакку*». – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Цитируется глава «История раджпутских племен» из книги Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

Англ. saka. Sakha – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

⁶⁶ Англ. Bhimsi.

⁶⁷ Англ. Hamir Sank.

⁶⁸ Ала ад-дин Мухаммад-шах I (?–1316) – султан Дели (1296–1316).

Лотосоокой Падмани, супруги храбрейшего Бхимзы, –
 Жаждет патан⁶⁹. Посылает гонца на дурбар махараджи:
 «Отдай за Дельи мне рани⁷⁰ ... Возьми ты все царство, богатства, –
 Все, чем владею, за *рани*, за перл драгоценный Востока!
 Иначе погиб ты! Читтору, твой град, разгромлю я навеки,
 Сгублю *агни-кулла*⁷¹ и сердце твое с ним я вырву!»
 Разгневался Бхимза, наш царь, и страшно сверкнул он очами:
 «Не надо мне царства, калиф, не боюсь я могулов!..
 Не владеть тебе рани-царицей, мне верной Падмани,
 Плюю тебе в бороду, враг! Приди!.. Тебя ждут агни-куллы!..»
 Град осажден. Голодает Падмани, могул торжествует,
 Шлет снова посла: «Хоть взглянуть позволь мне на рани Падмани!..
 Без стражи приду я один... Тебе доверяюсь, раджа,
 Слову раджпут не изменит!»...
 Жалея красавицу рани, во избежанье *Джи-гура*,
 Дал Бхимза согласие, впустил он калифа в ворота Читторы.
 Одного и без стражи...
 ... Узрел злой патан отраженье⁷²
 Рани прелестной в стене залы зеркальной дурбара.
 Возгорел Алла страстию: за доверие злую измену
 Радже патанец готовит...
 ... «За доверье доверьем плачу, –
 Алла-о-дину рек Бхимза, – иду за тобой, провожая
 Тебя за ворота Читторы»... Вдруг крикнул тот, стражу сзывая,
 Пленником сделал он Бхимзу, и в лагерь патанский коварно
 Увлеч, говоря: «О раджпут! Ты заложник Алла-о-дина,
 Отдай мне Падмани, купи свое царство, свободу!»⁷³ ...

Отчаяние овладело жителями Читтура, осажденного 80000 войском предателя-патанца. Старшины стали держать совет: отдавать ли Падмани за раджу или же то будет бесчестно. Но *рани* сама нашла, что она обязана пожертвовать собою за любимого мужа, решив в то же время не отдаваться Алла-о-дину живою. Посоветовавшись с его дядей Горрой⁷⁴ и его сыном Бадулем⁷⁵, пришли к заключению, что следует попробовать освободить Бхимзу, не отдавая на поругание чести *рани* и не рискуя ее жизнью. Послали сказать императору, что пришлют ему Падмани, если только он снимет лагерь и отойдет далее. Ее доставят к нему и отдадут на руки; только она не

⁶⁹ Алла-о-дин – патанский император. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷⁰ *Рани* – женский род *рана* или *раджи*. Жена *раны* Удейпурского зовется *рани*; а также и жена каждого *раджи*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷¹ «Агни-кулла» – племя агни (огня), вымершее с Читуром. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Англ. Agnikula.

⁷² Историк Феришта подтверждает факт, рассказывая, что Алла-о-дину позволено было взглянуть на рани Падмани только посредством устроенных в дурбарной зале зеркал. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷³ Исторический факт. Алла-о-дин доверился Бхимзе, зная, что раджпут умрет скорее, нежели изменит слову, и сделал это для того только, чтобы заманить его в засаду. Лицемерием и фанатизмом этот воинственнейший и наиболее преуспевавший в делах из всех государей, когда-либо занимавших престол Индии, походил на последнего из Тимуров, Аурунзеба. Титул «секундер-Сани», «второй Александр» (Македонский), который он выдумал для себя и приказал чеканить на своих монетах, был по отзыву летописцев вполне заслужен. В Индии он являлся настоящим Атиллой, бичом всех раджей, и почти совсем истребил племя *агни* в Читуре. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Англ. Sekunder Sani.

Аттила (?–453) – правитель гуннов с 434 по 453 г., объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Рейна до Волги.

⁷⁴ *Англ. Gora* – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

⁷⁵ *Бадуль* – один из величайших героев Раджистана средних веков. Он один убил собственноручно множество могулов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Англ. Badal – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

может быть отослана без приличного ее сану торжества и проводов. Она должна отправиться к нему приготовившись, с большою свитой ее придворных, с принадлежащими ей вещами и приданым и всеми желающими в Читуре проститься с нею, женщинами и девами, не считая тех, которые пожелают сопутствовать *рани* в Дельи. Калиф согласился и приготовился, дав сперва требуемую читурцами клятву, что святость женских привилегий, то есть наглухо запертых носилок, не будет нарушена.

Тогда вышла из города толпа женщин, «матерей и престарелых родственниц раджпутских воинов», а среди их несли до 700 носилок; каждый паланкин несли шесть воинов, переряженных носильщиками. Царские палатки были окружены, по обещанию калифа, *кханатами*⁷⁶ – полотняными, стегаными стенами, и носилки со свитой были пропущены внутрь. Полчаса было даровано Бхимзе на прощание с его *рани*; но тотчас по его появлении он был посажен в пустые носилки и бегом унесен из лагеря. В прочих носилках было скрыто оружие и в них сидело до 700 вооруженных воинов, цвет молодежи Читура. Не прошло еще дарованного получаса Алла-о-дин, ревнуя к такому долгому прощанию и подозревая засаду, несмотря на данную клятву, внезапно ворвался за *кханаты*: события, все до одного подтвержденные историком Фериштой. Вместо прелестной Падмани и свиты юных дев калиф нашел около пяти тысяч воинов и несколько сот почтенных, но весьма безобразных старух, которые «вцепились в могулов, как дикие кошки». Раджпуты, пожертвовав заранее жизнью, только хотели приккрыть бегство Бхимзы, и под напором 80000 человек, окруженные со всех сторон, погибли все *до единого человека*. Увидев своих сыновей и родственников мертвыми, brave старые раджпутки вонзили себе кинжалы в сердца, и как гласит баллада:

Не гора то выросла на долине Читура,
То тела храбрых воинов, *да не будет им стыдно*⁷⁷,
Все легли за царя... Над горою другая гора –
То тела матерей и женщин Раджвара...

Радже Бхимзе дали быстрого коня и он успел уйти от преследовавших его могулов. Подвиг товарищей и их старых матерей так воодушевил читурцев, что в течение следующих за сим дней они совершали чудеса храбрости. Осажденные отразили, наконец, осаждающих, и Алла-о-дин принужден был отступить, потеряв половину войска.

Но, – увы! – лучший цвет молодежи Читура погиб в патанском лагере! Через несколько месяцев влюбленный патанец вернулся снова к приступу и на этот раз остался победителем. Предводимый Бхимзою весь город, кроме детей и женщин, вышел сражаться за городские ворота. Герои без минуты колебания бросились на неприятеля «один против десяти», по свидетельству истории, и легли «скошенные на поле битвы», говорит баллада, «как колосья под дыханием циклона». Девизом раджпутов, как и у древних, да и настоящих руссов, было всегда: *ляжем костями, мертвые срама не имеют*.

---

⁷⁶ Англ. kanats – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

⁷⁷ Обращаю внимание читателя на эту чисто раджпутскую фразу или скорее клятву. Слово *ладж*, буквально «стыд», термин, употребляемый раджпутами в смысле *чести*. «Ладж рекхо», *да не будет мне стыдно*, или буквально (!), что выходит одно и то же, «да сохранюсь от стыда», так как у раджпутов слово *стыд* синоним *бесчестия*. Не та ли это фраза, что была в употреблении у «богатырей Владимира», произнесенная «Добрыней Никитичем», если не ошибаюсь? Не то ли самое хотел сказать Святослав своим знаменитым: «ляжем ту костями; мертвые бо сраму не имеют»? А *ладж рекхо*, «да сохранюсь от стыда», фраза, которую можно найти в летописях Уйдепура, сказанная за три тысячи лет тому назад сурьяванзой-Балрамой. Не раджпуты же переняли ее от варяго-руссов! – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Добрыня Никитич – богатырь русского народного эпоса, он часто изображается служилым богатырем при князе Владимире.

«Бесценное русским сокровище честь, / Их клятва: “Да будет мне стыдно!”» – слова из стихотворения «Змей Тугарин» (1867) писателя, поэта и драматурга А.К.Толстого (1817–1875).

Святослав Игоревич (942–972) – князь новгородский, князь киевский (945–972), полководец.

Спасся, хотя и очень раненый, один только юный Бадуль, двоюродный брат Падмани, в то время двенадцатилетний мальчик, но в понятиях раджпутов обязанный уже с таких юных лет защищать родину и умирать за нее.

Герои Читура невольно напоминают героев Черной Горы. В характере черногорца есть много сродного характеру раджпута: те же баснословные удаль и храбрость, то же презрение к физическому страданию, та же бесконечная любовь к родине. Юные двенадцати- и тринадцатилетние храбрецы, о которых мы столько читали в семидесятых и восьмидесятых годах⁷⁸, словно воскрешают в себе Бадуля Читурского.

Этот эпизод описан чрезвычайно эффектно в *Коман Разе*⁷⁹, а в воинственной эпопее старика-барда он являлся еще рельефнее. Маститый старец весь преобразился: его черные глаза горели, сияя воинственным пылом при звуках собственного пения; покрытое морщинами лицо то искажалось неукротимую ненавистью ко врагу при воспоминании о «*сакка Читура*», то принимало выражение горя и страдания при рассказе о страдании запертых в осажденном городе жен и матерей, о их приготовлениях к *джогуру* (самосожжению), дабы не попасться живыми в руки могулов, не отдать себя врагу на поругание. *Мань бхука хо*⁸⁰!.. «Я голодна... голодна!..» – кричит витающая над полем битвы богиня смерти и разрушения, покровительница осажденного города, оскорбленная поступком раджи. Наклонится неумолимая Кали над одним воином и он падает в ледяные объятия Ямуни (дêва смерти); направит свой *чераг*⁸¹ (фонарь) над другим и меч падает из его руки, а собственный щит опускается, закрывая его лицо, «как тень могилы, бросающая свой черный покров на прах погребенного воина»...

Бадуль, покрытый кровью, возвращается один в стены Читура. Происходит диалог между им и женой его дяди, виновницей падения города, злополучною Падмани. Она желает, прежде чем присоединиться к супругу, то есть совершить *самти* и *джохур*, услышать из уст юноши о последних подвигах ее «властелина», «*son doux seigneur et maître*»⁸²...

Бадуль отвечает:

«Он был косцом поля битвы, я – подбирал одни лишь колосья,
Шаг за шагом я следовал, как жнец, за острой косою...
Я видел, как он, наш отец, ложе чести себе приготовил;
Кровавым ковром его крыл, подушкой выбрал он князя
Могулов... и лег на него. Он спит теперь сладко и крепко,
Хранимый телами врагов, усыпленных его же рукою...»

Падмани-вдова опять вопрошает своего племянника:

«Скажи мне, Бадуль, как мой царь, как мой милый владыка сражался?..»
А Бадуль ей в ответ: «О мать!.. Как еще описать его храбрость,
Когда не осталось врага пред ним трепетать или им любоваться?..»
Улыбнулась *рани*, прощается с отроком храбрым,
Говоря: «Владыка мой ждет... Костер уж пылает»,
Бросается в пламя; за ней – жены, юные девы Читура...

Официальная история Удейпура, как и его летописи, добавляет, что за Падмани последовало 22000 этих дев и жен Читура в «огонь, спасающий их честь и имя». Они принесли свою жизнь в жертву долгу, сожглись на ужасном костре, как и женское население подземного города возле Каунпура (см. часть I).

⁷⁸ Речь идет о событиях черногорско-турецкой войны 1876–1878 гг.

⁷⁹ *Khomana Rasa* – самая древняя из поэтических летописей Мевара.

⁸⁰ *Англ.* Main bhukhi ho – так в книге Дж. Тола «Летописи и древности Раджастхана».

⁸¹ *Англ.* chiragh.

⁸² «обожяемого повелителя» (*фр.*).

Феришта (историк) упоминает только о тех *сакка*, которые были успешны, о *сакка* Алла-о-дина и Акбара, и тем грешит против истории. Но и он рассказывает об ужасах этого повального самосожжения и о пещере *Маха Сати*.

В *мемуарах* Тода мы находим следующее описание «автора, единственного англичанина», как он сам пишет, «которому было дозволено посетить ныне *священный* Читур»: «Могульский победитель овладел вымершею, совершенно пустынною столицей, с улицами, заваленными трупами, и дымом, валившим еще густыми облаками из отверстия пещеры, где погиб предмет его страсти. С того рокового дня эта пещера сделалась священной для всех индусов; ничей взор не проникал с тех пор в ее густой мрак, а суеверие создало огромного змея, охраняющего вход. Ядовитое дыхание змия тушит свет факелов, с помощью коих путник мог бы добраться до места “великого сожжения”»⁸³.

Удушливые испарения и страх живых, а не мифических змей заставили Тода вернуться назад. *Кхоман Раза* уверяет, что эта пещера ведет к великолепному подземному дворцу, и многие англичане верят в его существование.

Но здесь Тод говорит, как будто было лишь одно великое самосожжение, одно *маха сати*, один *джохур* после *сакка* Алла-о-дином. На самом же деле строки «ничей глаз не проникал с тех пор» относятся к последующему *маха сати*, потому что ужасное событие 1275 года было только предвестником второго, быть может, еще более ужасного, хотя и менее поэтического, и Тод сам описывает это второе самосожжение во дни Акбара, знаменитого императора, сына и наследника Хамаюна.

Лагерное место этого просвещенного, но минутами и жестокого государя, еще донныне показывается возле Читура, тем более что на нем сооружена пирамидальная мраморная колонна, которую зовут в народе *Акбер Ка дада*⁸⁴, «Лампа Акбара». Его лагерь тянулся от деревни Пандовли⁸⁵, милях в десяти от осаждаемой крепости, а передовые палатки доходили почти до подножия скалы.

Читур⁸⁶ – один из древнейших городов Уйдепура или Мевара и был всегда знаменит своими героями. Вот в нескольких словах его история с 1275 года до 1803, не говоря уже о доисторических и даже *до-мусульманских* на него нашествиях.

В 1303 году Алла-о-дин снова явился под стенами Читура и, заняв его, окончательно разорил все, что мог, пощадив – странное дело – только места, освященные когда-то присутствием страстно любимой им женщины. Дворец Бхимзы и «прекрасной Падмани» остался не тронут; огромная колонна, обелиск *джаинов* и принадлежащий к нему храм буддистов, сооруженные в 896 году, так как Падмани принадлежала к вере, исповедуемой в Цейлоне, – тоже каким-то чудом уцелели... *Où la poésie de l'amour va-t-elle se nicher*⁸⁷!.. Алла-о-дин, жестокий тиран и фанатик, являющийся нежным рыцарем!

Собственно Читур, то есть старый город с крепостью, выстроен на огромной скале, а более современный, строившийся с 1350 года, расположен у подошвы ее. Внизу протекает река Бирух⁸⁸, и на ней выстроен замечательный мост на девяти арках, из коих средняя, полукруглая, имеет к тому же по четыре готические арки по обеим сторонам. Но нижний город неинтересен. Надо карабкаться на старый, осмотреть все эти древние здания, чтобы получить верное понятие о его археологических достопримечательностях. Там, внутри крепости, существующей, по преданиям, со времен Кришны (у которого, мимоходом будь сказано, своих два храма здесь, громаднейшие по величине в стране), стоит еще *Нолакка-биндар*⁸⁹, внутренняя цитадель, выстроенная руками, конечно, *сказочных* циклопов – до того массивны ее стены и башни. Возле нее – дворец Падмани,

---

⁸³ *Annals of Mewar*, p. 223. – Примечание Е.П.Блаватской.

Глава из книги Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

⁸⁴ Англ. Akbar ka diwa – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

⁸⁵ Англ. Pandauli – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

⁸⁶ Хотя мы посетили этот город гораздо позднее, но чтобы не возвращаться к нему, описываю его здесь. –

Примечание Е.П.Блаватской.

⁸⁷ Где гнездышко свила поэзия любви (фр.).

⁸⁸ Англ. Verach.

⁸⁹ Англ. Nolakha Bindar – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

до зубчатых стен коего самое время-разрушитель еле еще коснулось. Там ее терем; пространные, высокие его комнаты остались с тех пор пустыми, а бедная, злополучная красавица, как и ее сестры по судьбе, получила незавидную, посмертную репутацию *бхута*, полночного домового. В *дурбарной* зале (тронной) сохранились *зеркальные* стены. Они получили название от мозаикообразной на них *чешуи*: из мелких кусочков блестящей, полированной стали, как в персидских дворцах⁹⁰. Одно чудо любви могло помочь Алла-о-дину узреть в этих «зеркальных» стенах чудный образ Падмани и воспламениться им. Поглядевшись в них и приложив все свое старание увидеть в этих кусочках отражение собственной, хорошо мне известной физиономии, я открыла, долго проискав, мой правый глаз у себя на макушке, а нос у левого уха. С таким *anamorphosis*'ом⁹¹ любимого предмета пред глазами не стоило калифу брать на душу греха!..

У храмов Кришны находятся еще два резервуара (*танки*), каждый сто двадцать пять футов в длину, пятьдесят в ширину и пятьдесят футов глубины⁹², из огромных плит черного мрамора. Верхушку скалы венчает храм, посвященный «разрушающим силам» с трезубцем Шивы у входа. Стены храма невообразимо массивны, и божеству, патрону пагоды, потребовалось бы много времени и усилий доказать свою разрушительную силу на этих стенах. Разбросанные по крепости, уцелели еще восемьдесят четыре цистерны, многие из них полные водой. Но самое замечательное здание, хотя и не столь древнее, это *Кхерут Кхумб*, «обелиск победы», воздвигнутый *раной* Кхумбом⁹³ вследствие блестящей победы, одержанной этим раджпутским государем над союзными армиями Мальвы и Гуджерата. Обелиск воздвигнут на террасе сорока двух футов⁹⁴ в квадрате; сам он высотой в сто двадцать два фута⁹⁵ и стоит на четырехугольнике, каждая стена коего имеет тридцать пять футов⁹⁶ длины. В этом обелиске-башне девять этажей, по одной комнате с боковым внутренним корридормом и витою лестницей в каждом. Башня увенчана куполом. Все здание из белого мрамора и покрыто сверху донизу резной работой. На стенах этого обелиска-башни целая мифология. Кроме того, в городе есть два-три древнейшие частные замка и несколько столь же древних башен.

За Алла-о-дином Читур был взят Бахадур-шахом, царем Гуджератским, в 1533 году. Бахадура прогнал, в свою очередь, Хумаюн, делийский падишах, который и возвратил город его раджпутским владетелям. Затем Читур был взят императором Акбаром в 1567 году. В этот год за *саккой* опять последовал *джохур*. Снова зажглись страшные огни в пещере *Маха Сати*; снова полилась кровь дев и женщин рекой, и целое племя раджпутов, превратив их тела в пепел, ринулось из крепостных ворот на могулов и легло все на месте – «ибо мертвые срама не имут».

Что за ужасная кровавая драма разыгрывается акт за актом в истории этого Читура! По основании его доисторическим, сказочным героем «раджой Хунном» богиня «силы и разрушения», патронесса всех укрепленных мест, *Дурга*, обещает первым царям Читура никогда не оставлять без помощи свою любимую скалу, Читур. Пока *Еклинг-ка-деван*⁹⁷ останутся ей верными, она, *Еклинга*⁹⁸, «рожденная от львицы» богиня, не покинет их⁹⁹. Первый раджа Читура,

⁹⁰ Вопрос: персияне ли переняли этот способ стеного украшения от древних индусов, или же раджпуты от иранцев? – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹¹ Анаморфоз (*англ.*) – конструкция, созданная таким образом, что в результате оптического смещения некая форма, недоступная поначалу для восприятия как таковая, складывается в легко прочитываемый образ.

⁹² 38–15–15 м.

⁹³ Правил в Меваре с 1418 до 1468 года. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Кумбха (Kumbha, ?–1468) – раджпутский рана княжества Мевар в 1433–1468 гг.

⁹⁴ 12,8 м.

⁹⁵ 37,2 м.

⁹⁶ 10,7 м.

⁹⁷ Один из титулов махараджей Уйдепурских. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹⁸ *Англ.* Eklinji.

⁹⁹ Рим имел своего Ромула, Читур – своего *второго* основателя, племянника раджи Мори, происхождение которого тоже теряется в мифах древности. *Банна* (младенец), называемый *Сайль* или *Сеиль Адхес*, «владыка горы», в древних надписях и в истории Пуран был этим племянником. Как и все первобытные князья, он пас «стадо солнца» и в своих прогулках в горах наткнулся нечаянно на отшельника *Чирнджива* (вечно живущего), спавшего непробудным сном в кустах более трех веков. Разбуженный принцем-пастухом, отшельник в благодарность посвящает его в «тайнства Шивы» и тем делает его супругом Кали в ее *виде* Еклинги, рожденной от «львицы-богини», то есть от этой же Кали. Все «посвященные» называются у шаивов *женехами* или даже *мужьями* Эклинги (тоже Изы, Парвати,

«посвященный» *Банна*, был духовным супругом богини. Он принес клятву при посвящении его *Чирндживой*¹⁰⁰, и доколе раджи будут соблюдать эту клятву, богиня не даст пасть Читуре. Пока его раджи не перестанут называться именами *Радж Гуру* – «учителями раджей», *Хиндуа Сураджд* – «солнцем индусов» и *Чуква* – «всемирными владыками», Читур не может бедствовать.

Но вот несколько раджей, загордившись, так говорит легенда, начинают часто забывать обет и даже перестают оказывать должное почтение богине. Они вводят в ее сообщество других богов (ненавистного Шиве Кришну), и ярко-алый цвет знамени темнеет. Дурга-Еклингга обещала свое покровительство потомкам *Банны*, доколе они ей не изменят. При первом *сакка* Алла-о-дина двенадцать раджей, венценосных глав Раджвара, защищали это знамя, но оно померкло и они все остались на поле битвы. Во время второго *сакка*, начатого Бахадур-шахом, такур Деольский¹⁰¹, из царственного дома Мевара, принес себя в жертву богине (убил себя на ее алтаре) и она спасла город. Но на третий раз, в страшные дни осады юным Акбаром, Дурга Амба, приняв свой первородный образ Кали, осталась глухою к их воззваниям. Она отвернулась от своего зубчатого венца, и ее появление Самарси¹⁰² (радже Читуре в 1412 г.), когда она объявила ему, что «слава индусов на закате», было ее последним¹⁰³. Уйди-Синг¹⁰⁴, раджа Меварский, закончил ряд царей, грешивших против богини, бежав при первом известии о появлении Акбара и его армии. Тогда лик богини отвернулся навеки от Читуре. Славный город пал, несмотря на его отчаянную защиту. Не Дурга-Еклингга, а Кали явилась пред конем Уйди-Синга с ее обычным воинственным кликом: «*Майн бхука хо!*» (Я голодна); она исчезла и насытилась лишь кровью последнего из славного племени *агникуллов*.

Тридцать тысяч человек погибли в те дни, когда Акбар стоял под стенами Читуре. Страшный *джохур* был приготовлен, и оставшиеся в живых 8000 раджпутов, съев вместе последнюю *бира*¹⁰⁵ и облачившись в шафрановые рубашки – эмблема пылающего костра, – отправились исполнять свою ужасную обязанность. Девять *рани* (королев), 15 принцесс (их дочери), два малолетние сына раджи и все женщины разных классов погибли от руки мужей, сыновей, братьев и родственников и тела их были преданы сожжению в пещере *Маха Сати*. Затем эта восьмитысячная армия отворила настежь ворота крепости и устремилась неудержимым потоком на армию Акбара. Ни один из восьми тысяч не пережил этого дня и ни одна *желтая* рубашка не была запятнана постыдною сдачей в руки врага.

Да, божество раджпутов их покинуло в тот ужасный, страшный последний день Читуре. Скала их мощи и независимости была предана *сакка*; ее храмы и дворцы были разрушены дотла, и Акбар захватил даже все символы царственного дома: *накара*¹⁰⁶, звук которых возвещал на мили кругом об отъезде и приезде ее раджей и князей; канделябры с алтаря «великой матери» *Амба-*

Дурги, Гури, богини земли, *Амба-мати*, всемирной матери; все это виды или *аспекты* Кали). Еклингга – богиня, охраняющая под именем *Гури-дэвы* горы, скалы и укрепленные места. Это та же Цибела и, подобно греческой богине, изображается в зубчатом, как укрепленная башня, венце. Женясь на Еклингге (то есть сделавшись «посвященным»), *Банна* получает от духовной супруги полное вооружение: лук и стрелы, щит и меч, которым она его собственноручно опоясала, и копьё. Затем, непобедимый, как Ахиллес, он прогнал дядю и сделался с помощью богини царем Читуре, а Дурга-Еклингга патронессой города, так как она богиня скалы, на которой он построен. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰⁰ Эта клятва *кафара-иогов* и до сей поры произносится ежегодно раджами Уйдепурскими: «Клянусь гуру Чирндживой и богиней Еклинггой; Такьяком, мудрым змеем, и Гари-мудрым; клянусь Бхавани (Палладой) – разить врага. Рази, рази!» Все доспехи, полученные *Банной* от Еклингги, лук и стрелы, копьё, щит и меч, хранятся в сокровищнице раджи Удейпурского. На них дают обет «монахи-воины». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰¹ *Англ.* Deolia.

¹⁰² *Англ.* Samarsi.

¹⁰³ См. летописи барда *Чанды*. Книга последняя. 2 стр. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰⁴ Удай Сингх (Udai Singh, 1538–1595) – правитель Мевара.

¹⁰⁵ *Бира* или *пан* – пахучий лист бетеля с разными пряностями, который подается у индусов при прощании и съедается вместе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Англ. bira, pan.

¹⁰⁶ Большие барабаны в 8 или 10 футов в диаметре. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

8–10 футов = 2,7–3 м.

Англ. nagara.

мати, которая опоясала мечом *Bannu*, и даже этот самый меч¹⁰⁷. С тех пор *Читур сакка ка нан*¹⁰⁸, «клянусь грехом сак[к]а Читура», сделалось священной и ненарушимой клятвой у раджпутов...

– *Тийджо сак[к]а Читур ра*¹⁰⁹ (третья сакка Читура) довело Раджистан до того, что вы теперь видите у нас! – проговорил бард, мрачно окончив свои песни. – «Великая мать» отвернулась от нас, и вот почти три века как Раджистан умирает... Солнце его покинуло... Сурьяванзы вырождаются!..

Увы! то была лишь метафора. Солнце жгло и палило даже в этом дремучем лесу. Я изнывала в этой душной атмосфере и, расположась на коврах, разосланных на затемненной веранде, еле могла шевелить языком. Но любопытство и интерес взяли верх над ленью и зноем, и я пожелала узнать, в каком теперь виде Читур: что с ним сделалось после *сакка* Акбара.

За барда отвечал Ананда.

– Один из раджей меварских овладел развалинами вскоре после последнего разгрома, но в 1676 году отворил его ворота и передал Аурунгзебу по его первому требованию, без боя на этот раз. Читур был снова возвращен его раджпутским владельцам лишь в конце прошлого века.

– Были вы там?.. Видели его развалины?..

– Был и видел все, что осталось от него. Некогда непобедимый Читур давно оставлен жителями, как и правительством *раны*. По мнению первых, на городе лежит проклятие богини; в глазах второго он сделался совсем негодным. «Резиденция царей, которая в продолжение 3000 лет воздымала свою венценосную главу высоко надо всеми прочими городами Индии, – говорит летопись, – сделалась теперь убежищем диких зверей, выбравших своим логовищем ее храмы...» Священная столица охраняется теперь одними *госсейнами* и *иогами*, и вход в нее запрещен *ране*¹¹⁰ и принцам крови особенным указом махунта, главы монахов-воинов; ни проклятие богини, ни дикие звери, ни *джигер-кхоры* (демоны-гарпии) не трогают иогов, оттого вы их и не боитесь! – пожаловался бард.

Пондишерский аскет не отвечал на это замечание, и правильность воззрений суеверного певца так и осталась не подтвержденною и не разъясненною потомству. Но Нараян обратился к Ананде, спрашивая его, можно ли рассказать нам, какую роль играли предки Такура в последнем действии кровавой драмы Читура?

Аскет молча наклонил голову в знак согласия, а Нараян, заметив, что это эпизод, который он намерен рассказать нам, внесен официально в летописи домов (царских) Салумбры и Майртеи¹¹¹ и воспевается всеми бардами, приступил к рассказу.

– Имена Джеймуля и Путты¹¹² остались навек бессмертными и неразделимыми в истории Читура, – начал Нараян, у которого загорелись глаза при рассказе о предках даже отвергавшего его Такура, так сильно бедный юноша боготворил нашего героя. – Эти имена останутся символом всего беспримерно героического, будут жить в сердцах раджпутов и всех индусов, считаться ими святыней, доколе сохранится в стране хотя одна искра воспоминания о нашем великом прошлом... Когда защищавший «Ворота Солнца» вождь Салумбры погиб, выбор нового вождя пал на Путту из Каильвы. В то время ему было всего шестнадцать лет; его отец, доблестный воин, пал в одном

---

¹⁰⁷ Считая жертвы свои, Акбар оценил свой успех снятыми с трупов золотыми *цинарами* (ожерельями), знаками царственного рода и дворянства, и все вместе весили 74½ *мана* (ман – 4 фунта). С тех пор сумма 74½ зовется *тилак*, «проклятою». Поставленное на письме раджпута или деловом документе, это число означает ненарушимую клятву, ибо оно есть синоним клятвы «грехом сак[к]а Читура». Нарушителя ее выгоняют из племени и города, в котором он живет, предают общему проклятию, часто убивают (См. *Rajpoot Tribes*). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Фунт – единица измерения массы, равная 0,454 кг.

4 фунта = 1,8 кг.

¹⁰⁸ *Англ.* Chitor sakha ka rap – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

¹⁰⁹ *Англ.* «The tija sakha Chitor ra» – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

¹¹⁰ *Раной* зовется только раджа Удейпурской теперь. Между *раной* и раджей такая же разница, как между императором и королем. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹¹¹ «Имена, сияющие ярче всех других на этой темной странице истории Читура, священные для барда, как и для всякого истого раджпута, увековеченные пером самого императора Акбара, – имена Джеймуля Беднорского и Путта из Каильвы, принадлежавших к шестнадцати первоклассным вассалам-такурам Мевара из его царского рода; первый был раджпут дома Майртеи (храбрый из храбрееших кланов Мевара); второй был главой иугавутцев, другой великой ветви из Чонды» (*Летописи Мевара*). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹¹² *Англ.* Jeimul, Putta – так в книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

из предшедших сражений семь лет до того, а мать отказалась от славы *сати* по просьбе умиравшего от ран мужа и пожертвовала доблестною смертью ради этого единственного сына, которого и воспитала как наследника славного имени. На Западе у вас восхищаются матерью Гракхов¹¹³, спартанскими и римскими матронами; но все это лишь слабые отражения прабабки отца Такур-саиба по женской линии. Опясывая сына мечом, она повелела ему надеть заранее «желтую рубашку» и умереть за Читур. Только, как справедливо заметил полковник Год, она превзошла древнюю римлянку-мать тем, что подкрепила сына собственным примером. Она сделала более. Юный Путта был обручен: страшась как бы любовь к нареченной и ее образ не повлияли на сына во время битвы, она вручила своей невестке¹¹⁴ копье и кинжал и, взяв ее за руку, повела молодую девушку со скалы вниз к городским воротам, где защитники Читура были свидетелями доблести двух женщин, одной престарелой, другой чуть не ребенка. «Защищаясь, как львица, нападая, как тигрица», – гласит летопись, возле матери, которая совершила в этот день чудеса храбрости, молодая амазонка упала, наконец, убитою к ногам старой героини. Мудрено ли, что, видя такой пример неустрашимого патриотизма в своих матерях и дочерях, раджпуты-воины превращались в настоящих львов, заслуживая вполне имя *синга* (льва)! Защита длилась с восхода солнца до поздней ночи. Увидав, как невеста его упала мертвою, Путта подал знак матери. Приказав громким голосом приготовить *джохур*, зажечь костры в пещере самим женщинам, а затем воинам в задних рядах убивать их, когда все будет готово, Путта со старою матерью во главе передового отряда бросился на могулов. Прочтите, что говорит сам император об этом последнем, отчаянном нападении, в котором *старуха-воин*, как ее называет Акбар, «сбрила собственноручно головы с плеч его храбрейших сердарей». Сам *шайтан* вселился в эту *раджпутни*, пишет он. Джеймуль, двоюродный брат Путта, оказывал такие же чудеса храбрости у других ворот и соединился в общем нападении на врага к вечеру. Когда, наконец, пал и Путта, простреленный насквозь пулями, его мать, «похожая на кровавую Кали», смело взяла сына на руки, снесла его под тучей стрел и пуль в городские ворота и, передав труп для сожжения, вернулась на поле битвы. Джеймуля Беднорского убила пуля самого императора, который очень гордился всю остальную жизнь этою честью. Этот факт заявлен историком Абул-Фузилем и императором Джехангиром, который и называет ружье¹¹⁵, из которого Акбар застрелил Джеймуля, – *синграм*. Да, великих героев произвела наша Индия!..

Еще баллады, еще несколько героических песен, и Ананда зовет нас, говоря, что солнце село и нам пора в путь...

Индусы садятся на слона, а мы с бабú и полковником залезаем в крытую повозку на быках. Мы едем к развалинам древнего храма, в уцелевшей части которого живет отшельник-иоги и его

---

¹¹³ Корнелия (II в. до н.э.) – римская матрона, дочь Публия Корнелия Сципиона Африканского, жена Тиберия Семпрония Гракха. Стала матерью двенадцати детей, в том числе двух братьев Гракхов – Тиберия и Гая. Корнелия рано овдовела, но тем не менее дала сыновьям прекрасное воспитание; именно благодаря ей, по мнению античных авторов, братья Гракхи вошли в число самых выдающихся политиков в истории Рима. Она пережила обоих сыновей и до самой смерти оставалась одной из самых уважаемых женщин Рима.

¹¹⁴ «Обручение» в Индии равняется узам брака и его нельзя расторгнуть. Невеста по закону уже жена. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹¹⁵ Замок с фитилем. «Он (Акбар) назвал оружие, которым он убил Джеймуля, *синграмом*, так как оно было великой силы и качества; из него он (Акбар) застрелил три или четыре тысячи птиц и зверей» (*Джехангир-намех*). Акбар сделал более. Он был так поражен героизмом Джеймуля и Путты, что приказал соорудить обоим статуи при главном входе его дворца в Дельи. Вот, что пишет Бернье (Bernier) из Дельи 1 июля 1663 года (издание 1684 года, в переводе на английский язык) в Лондон: «Я не нахожу ничего замечательного в этом парадном входе (дворца) кроме двух каменных слонов по обеим сторонам ворот. На одном статуя Джамеля (Джеймуля), знаменитого раджи Читурского, а на другом *Поттера* (Путта), его (двоюродного) брата. Это те два известные здесь храбреца, которые вместе с их матерью, *женщиной еще храбрее их*, задали столько работы Акбару, и которые... предпочли смерть вместе с матерью сдаче города; и за этот поступок даже их враги сочли их достойными посмертных статуй. Эти два большие слона с сидящими на них храбрыми воинами производят с первого взгляда на них при входе в этот укрепленный дворец впечатление какого-то величия и тяжелого ужаса». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Англ. Jahangir-nameh.

Англ. Potter – так в книге Дж. Года «Летописи и древности Раджастхана».

Франсуа Бернье (1620–1688) – французский врач, философ, путешественник, писатель, автор книг «Mémoires du sieur Bernier sur l'empire du grand Mogol» («Воспоминания г-на Бернье об империи Великих Моголов», в 4 т., 1670–1671), «Voyage dans les États du Grand Mogol» («Путешествие по стране Великих Моголов», 1671).

ученики. К утру мы будем там, а целую ночь придется тащиться по лесу... Но мы не боимся ни его тигров, ни разбойников-бхиллей: у полковника его *салиграм*, и он теперь страшится гораздо более коров, нежели всех королевских тигров дикого Раджистана; а у меня необъяснимое чувство безопасности при мысли о Такуре и даже об Ананде. К тому же, с нами едет старый бард и его два сына.

С чувством полной уверенности, что проснусь на другое утро в совершенном здравии и целости, я засыпаю и вижу во сне прабабку Такура, отгоняющую от меня хвостистой целое стадо тигров, которые, как макашки Маттры, запускают мне лапы в карман...